

Омельянчук И. В.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОСОТЕННЫХ ПАРТИЙ

С началом XX в. наряду с революционно-освободительным движением, серьезную угрозу для самодержавия стали представлять и усилившиеся на окраинах империи движения национальные, требовавшие культурной, а иногда и политической автономии, от которой один шаг до независимого государства. Возникшие как ответная реакция на усиление национально-освободительного движения черносотенные партии однозначно оценили подобные требования как «потрясение основ» русской государственности. Кроме того, из парадигмы черносотенной идеологии, жестко связывавшей самодержавие с особенностями русского национального духа, следовало, что все «инородческие» движения, объективно направленные против господства русской нации, одновременно подрывают и устой самодержавия.

Таким образом, для правых борьба против «инородческого сепаратизма» и защита «русской народности» являлась одновременно защитой самодержавия. И если либералы и социалисты в политических баталиях акцентировали свое внимание на положении национальных меньшинств в Российской империи и будировали еврейский, польский, украинский вопросы, то монархисты во главу угла ставили в первую очередь вопрос русский. «Надо будить наше национальное сознание, а не усыплять самодеятельность русского человека уверениями в необходимости предварительного его превращения в «гражданина мира»», - утверждал лидер Харьковского отдела «Русского Собрания» А.С.Вязигин[7:V]. По мнению известного историка, члена СРН Д.И.Иловайского главным источником бедствий России, как внешних, так и внутренних, является «явный недостаток национализма [русского – И.О.] в интеллигентных и бюрократических сферах»[6]. Правый публицист Н.Черников утверждал, «в России именно Русские в загоне, что в этой вопиющей несправедливости коренится главная причина всех наших неудач и нестроений». «Россия должна быть русской, или ее не будет», - писал он[14: 219, 221].

В своих трудах правые чаще использовали термин «народность», лишь Л.А.Тихомиров употреблял категорию «нация». Но предикатом субъекта «народность» в трудах монархистов являлось слово «национальный», а отнюдь не «народный», что свидетельствовало об определенном смешении дефиниций. В основном, правые под термином «народность» понимали нацию, но не как политическую или этническую общность, а как культурно-конфессиональное объединение с открытыми границами. А представитель «Русского Собрания» генерал М.М.Бородкин народность трактовал одновременно и как национализм, и национальность[8: 30].

Но большинство монархистов исходили из противопоставления понятий нации и народности. Так в «Своде основных понятий и положений русских монархистов», выработанный Программным разрядом V Всероссийского съезда Русских Людей

(1912 г., Петербург) нация трактовалась как «искусственное общество людей разного рода и племени, разно верующих и не всегда говорящих одним языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству». Народность же «есть соборность рода, языка и быта страны (отечества, родины) связанная верою, просвещением и предопределенною Господом Богом Целесообразностью». По мнению авторов «Свода», четыре признака свойственные народности не обязательны для национализма: вера, страна, государственность, род. Так французская нация обходится без веры и вероисповедания, австрийцы без рода и племени, евреи без страны и земли, а цыгане без государственности[21: 208].

Критерий принадлежности к «русской народности» (или нации) сформулировал товарищ министра просвещения при Александре III князь М.С.Волконский: «Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным»[22: 336]. Черносотенцы начала XX века разделяли эту точку зрения. Один из руководителей Санкт-Петербургского отдела «Русского Собрания» И.Л.Мордвинов утверждал «для того, чтобы сделаться русским человеком, прежде всего надо быть православным; только православие производит и поддерживает русскую национальность»[11: 167]. По мнению Д.И.Иловайского, православие есть главный признак русской народности[6].

При этом все восточнославянские народы СРН объединял в рамках единой русской нации. В уставе этой организации провозглашалось: «Союз не делает различия между великороссами, белоруссами и малороссами» [27: 144]. Член главного Совета СРН М.Таубе даже включал в состав русского народа и литовцев, вероятно исходя из того факта, что долгое время в Великом княжестве Литовском официальным языком являлся русский. «Великоруссизм, малоруссизм (украинство), белоруссизм и литвинизм составляют как бы притоки одного великого разлива великорусского», - писал М.Таубе[12: 109]. По мнению академика А.И.Соболевского только интеллигенция различает три ветви: малорусов, белорусов и великорусов[13: 48]. Лучшее перо Всероссийского национального союза М.О.Меньшиков также не разделял восточнославянские народы на отдельные нации и, противопоставляя их остальным народностям России, заявлял: «Вместе с малороссами и белорусами мы – через национальную Думу нашу – должны сказать громко бушующей инородчине - нация это мы»[5: 234].

Довольно долго монархисты просто закрывали глаза на усиление украинского национального движения. Правые постоянно подчеркивали, что украинцы не – «инородцы», а ветвь «великорусского племени». «Малороссы – инородцы! Что за нелепость», – писала черносотенная газета «Тверское Поволжье»[24]. В 1904 г. С.Ф.Шарапов утверждал, что «в Малороссии культурная борьба закончена в пользу Русского элемента»[30: 19]. Академик А.И.Соболевский в своих высказываниях был осторожнее, но и он оптимистично смотрел на процесс слияние украинского и русского народов. «Малорусы держатся крепко за свой язык и свои бытовые особенности. Столетия близкого соседства малорусов с великорусами не превратило их в великорусов; полной ассимиляции не последовало, но начало ей положено», - писал он[13: 49]. А.С.Вязигин выступая на Первом Всероссийском съезде Русского Собрания, заявил: «...в Слободской Украине нет сепаратизма, и что

отдельные голоса, временами раздающиеся в таком направлении, нельзя считать за голос целой области»[20: 122].

Лишь известный славист, декан историко-филологического факультета Варшавского университета А.С.Будилович, осознав всю серьезность положения, писал: «Мы обязаны дать дружный отпор тем «украинцам», которые – по святой ли простоте, или по интригам врагов, или, наконец, по корыстному желанию стать из вторых в городе первыми в деревне – упражняются теперь в раскалывании, то «немецким топором», то «польскою пилою» самого ядра нашей земли и народности»[1: 43]. Официальные власти, обладая лучшими источниками информации, чем представители монархических партий, в период нового революционного подъема так же забили тревогу. Киевский губернатор доносил: «В течение 1911 г. малорусская интеллигенция, питаясь сепаратистскими идеями из-за рубежа, сделала большие успехи в смысле пропаганды ложного учения о происхождении Украины, проповедуемого такими историками, как Грушевский» [28: 44]. В докладе полковника А.В.Мезенцова начальнику отдельного корпуса жандармов В.Ф.Джунковскому указывалось: «Начиная с 1905 г. все мазепинские партии в Галичине и их отделения в России окончательно осознали идею «Самостийной Украины» и всецело стремились только к тому, чтобы, использовав в удобное время переход Австрии через границу в Россию... под скипетром Габсбургов основать «Украинское королевство»» [2: 504]. Все это не могло не тревожить правительство и лояльные к нему политические силы. Поэтому на повестку дня встал вопрос об отношении черносотенцев к украинскому национальному движению.

Первыми откликнулись на эту проблему представители Киевского Клуба русских националистов (ККРН), заявив что «мазепинское движение является самым грозным и опасным из всех движений, направленных против единства и целостности Российской империи» [23: 262]. На специальном заседании Клуба одним из его членов было сделано сообщение «Сущность и значение украинофильства». Вывод докладчика был весьма категоричным: «мазепинство» явление, не имеющее исторических корней в Малороссии и привнесенное туда другими державами с целью присоединить ее [23: 134-135]. Эту точку зрения отстаивали и другие представители ККРН. Так В.В.Шульгин характеризовал украинское национальное движение как «представляющее, несомненно, государственную измену, мечтающее о том, чтобы продать русские земли австрийской короне за цену «автономии»...» [3]. А.И.Савенко утверждал, что «мазепинцы тянут нас под власть Габсбургов, т.е. в польско-немецкое ярмо, в страшное рабство» [4]. Такая позиция позволяла правым противопоставить украинский народ и украинскую политическую элиту, обвиняя последнюю в том, что она для удовлетворения собственных политических амбиций готова отдать собственный народ под гнет иноверцев.

Киевский профессор Т.В.Локоть подчеркивал что, следует отличать этнографический национализм от национализма сепаратистского, и если к первому надо относиться терпимо, то ко второму - со всей суровостью [23: 136]. Другой известный представитель киевских монархистов В.В.Шульгин полностью

солидаризировался с ним. «Неужели можно верить тому, что люди, предостерегающие против мазепинства, – писал он, – преследуют так называемое «этнографическое украинофильство»? ...мы не только не посягаем на малорусский говор, бытовые исторические особенности и прелесть украинской поэзии, но мы охраняем ее и лелеем...» [3].

Правые особенно подчеркивали тот факт, что национальные идеи проповедуемые украинской интеллигенцией, не находили отклика ни в русифицированных городах Украины, ни в селах, где крестьяне находили для себя своеобразную православно-русскую национально-конфессиональную идентификацию, продолжая при этом считать себя малороссами. А.С.Будилович, утверждал, что «центробежные стремления если и проявлялись иной раз у южноруссов, то обыкновенно не в среде народных масс, а в верхах населения... в новейшее время – разных интеллигентов» [1: 27]. По мнению националиста А.А.Сидорова «политическое украинофильство» в настоящее время «не находит, к счастью, сочувствия в народе» [5: 296].

Академик А.И.Соболевский писал: «Данные новейшего «освободительного движения» показывают, что украинофильство свойственно только левым партиям, и что умеренное большинство, и, прежде всего наиболее заинтересованное здесь крестьянство, никакого украинофильства не знает; оно считает себя за один русский народ с великороссами и стоит за полное государственное единство России» [13: 51]. Характерно высказывание волынского крестьянина члена Государственной думы (фракция националистов) М.С.Андрейчука: «Всякую украинофильскую пропаганду мы отвергаем... Мы малороссы, как и великороссы, суть люди русские, а гг. Милюкову, Родичеву и Лучицкому говорим: продолжайте вашу заботу о том племени, служить которому вы призваны, а украинского народа не касайтесь» [5: 296].

Черносотенцы считали, что украинское национальное движение не имеет шансов на успех, и поэтому «создать» отдельную нацию из малороссов никому не удастся. «Если это не удалось во времена Мазепы, то теперь это совершенно невозможно. Ассимиляция малороссов с великороссами идет неудержимо и непрерывно» утверждал профессор Т.В.Локоть [23: 136].

Л.А.Тихомиров, отстаивая имперский принцип функционирования государства, при котором политическими правами обладает лишь одна титульная нация, доказывал, что сохранить самодержавие можно, лишь сохранив исключительное положение русских в государственном механизме России. По его мнению «политика должна быть *национальной*», так как «монархия возможна лишь в нации, т.е. в обществе с установившейся внутренней логикой развития, с известной преемственной традицией, с тем, что составляет «дух народа» [25: 585]. Л.А.Тихомиров утверждал, что, «...без существования единого духа в нации, составляющей государство, истинная монархия невозможна». Поэтому, «чтобы в... разноплеменном государстве возможна была монархия, необходимо преобладание какой-либо одной нации, способной давать тон общей государственной жизни и дух которой мог бы выражаться в Верховной власти» [25: 609].

«Россия для русских». Это правило должно служить руководящим началом во **всей** политике и в нашей повседневной жизни», - утверждал член «Русского

Собрания» генерал М.М.Бородкин [7: 191]. «Мы считаем, что в пределах нашего отечества первенствующее место должно принадлежать русским. Для себя, а не для других мы строили свой дом» - настаивал председатель этой организации Д.П.Голицын [10: 26]. «Россия не для Жидов, Поляков и Финляндцев, а, наоборот – для Русских» - писал рупор Русской Монархической Партии «Московские ведомости» [19].

Эти положения были зафиксированы в партийных документах правых. Устав СРН провозглашал: «Все учреждения Государства Российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию Великой России и преимущественных прав русской народности», которой должно принадлежать «первенствующее значение в государственной жизни и государственном строительстве» [27: 143, 144]. Даже весьма умеренный Всероссийский национальный союз, стремясь сохранить «единство и неразрывность» Российской империи, своей главной задачей считал «ограждение во всех ее частях господства Русской народности» [29: 1].

При этом авторы устава Союза Русского Народа предполагали, что «господство русской народности» отнюдь не будет препятствовать «множеству инородцев» считать «за честь и благо принадлежать к составу Российской империи» [27: 143]. Мысль о том, что Российская империя оказывает цивилизаторское влияние на другие народы и, стало быть, вхождение в состав русского государства является благом для «инородцев», стала традиционной для российских монархистов. Так ведущий теоретик правых Л.А.Тихомиров утверждал, что «...русская национальность есть *мировая* национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени». Отсюда, по мнению Л.А.Тихомирова, следует, что «наше господство дело не просто национального эгоизма, а мировой долг» [26: 168, 362].

Генерал М.М.Бородкин, признавал, что русская культура развивается медленнее европейской вследствие множества объективных исторических причин. Но «если бы даже и допустить, что наша культура ниже культуры западных окраин... Разве мы свой «отсталостью», своим «варварством» мешаем развитию культуры на окраинах?» - спрашивал М.М.Бородкин. «Напротив, - утверждал он, - мы им дали возможность окрепнуть. Польша, Финляндия и Остзейский край расцвели *после* их присоединения к России. Русский меч оберегал их; русская казна содействовала им. Но чему мы действительно препятствовали, так это развитию государственной обособленности. Отсюда произошли все те крики об угнетении инородцев, которые стали оглашать Россию и Запад» [7: 191].

Черносотенцы постоянно подчеркивали, что Россия от присоединения окраин, не имеет никаких экономических выгод, более того, она несет существенные потери, поддерживая вошедшие в состав империи народы, экономически даже более развитые, чем Великороссия. Так А.П.Липранди не без оснований утверждал, что «все наши инородческие окраины существуют за счет коренной России, т.е., говоря

проще, за счет русского народа, которому приходится нести двойную финансовую тяготу». В доказательство он приводил данные, полученные государственным контролером финансов П.Х.Шванебахом: Россия платит окраинам на 168 млн. рублей больше, нежели от них получает, окраины же получают на 77 млн. больше, нежели платят в казну. По данным А.П.Липранди за каждый рубль платимого государству налога Польша получает обратно - 1 р. 14 к., Балтийский край - 1 р. 29 к., Литва - 1 р. 31 к., Кавказ - 1 р. 46 к.. Коренная же Россия получает от 47 (великорусские губернии) до 92 (малорусские губернии) копеек. [16: 46, 47] Эту точку зрения разделял Д.И.Иловыйский, утверждавший, что «окрайны, особенно западные и южные, стали жиреть за счет Русского центра, который явно захирел» [6].

Монархисты утверждали, что Российская империя, лишив присоединенных «инородцев» политических прав, отнюдь не стремится к их обрусению и оставляет в неприкосновенности их культурные права, не мешая их самобытному развитию. А.С.Вязигин подчеркивал, что в отличие от европейских государств, «у нас нет гонений на народные языки... у нас рядом с русскими, безвозбранно существуют инородческие школы... Местные правовые обычаи и законы у нас остаются неприкосновенными, поскольку их существование совместимо с интересами целого - с благом империи и общеимперскими нуждами» [9: 159]. По мнению князя Д.П.Голицына, из господствующего положения русской народности, «не следует, что наше отношение к инородцам должно быть враждебным. Россия завоевала окраины не для того, чтобы с ними воевать, а для того, чтобы жить с ними в дружбе». «В инородцах мы хотим видеть будущих русских людей», - писал князь [10: 26, 27]. Таким образом, правые, отрицая и факт, и необходимость насильственного обрусения инородцев, тем не менее, считали, что конечной целью национально-государственной политики все же должно стать «добровольное и мирное» слияние инородцев с «господствующей народностью» [9: 160].

Монархисты, отстаивая «единую и неделимую», все же оставляли за инородцами право на сохранение национальной самобытности. Националист В.А.Бобринский подчеркивал: «Мы желаем культурного национального развития инородцев, которые находятся под русской державой, но при соблюдении русских государственных интересов, которые им инородцам, еще более необходимы, чем нам, русским» [5: 238]. Представитель «Русского Собрания» М.М.Бородкин писал: «Крепость государства требует, чтобы инородцы, сохраняя свой язык, нравы, обычаи, уклад жизни, свои порядки внутреннего управления и проч. были русскими по своим политическим чувствам, общим мировым стремлениям» [15: 72].

Еще в конце XX в. Л.А.Тихомиров предостерегал против предоставления одинаковых прав народам, игравшим различную роль в создании российской государственности. В этом случае, по его мнению, власть перестанет быть русской и православной. Став равноправными с русскими, поляки, финны, немцы легче бы организовались против правительства, а русские подданные не поддержали бы его, не ощущая своим [22: 339]. «Несомненно, - писали «Московские ведомости», - что первым последствием перехода Верховной Власти к представителям различных племенных групп, населяющих Россию, будет требование этими представителями особого от России существования этих групп» [17]. Поэтому наделение

«инородцев» какими-либо политическими правами монархисты жестко связывали с их лояльностью к Российской империи, «...но коль скоро выяснилось, что от таких-то [инородцев – И.О.] нельзя ожидать содействия общему делу, тогда о равенстве всех перед лицом Руси не может быть и речи» - писал Д.П.Голицын [10: 27]. «Московские ведомости» считали, что каждую народность приобщать «к благам государственного быта» следует в соответствии с «достигнутой уже ею степени гражданственности» [18].

Таким образом, правые всеми силами стремились заблокировать развернувшиеся в России процессы национальной самоидентификации, понимая, что за ними неминуемо последует процесс самоопределения новообразованных наций, чреватый расчленением Российской империи и созданием новых независимых государств. Превратить Россию в государство-нацию было невозможно, не уничтожив империю, чего монархисты вовсе не хотели. Поэтому, сохраняя имперский характер русского государства, черносотенцы стремились сохранить и имперский характер национальных отношений в нем, то есть господство титульной нации и «благодарное» подчинение ей других народов, которым принадлежность к империи должна давать «неисчислимыя блага», а именно: безопасность, экономическое процветание, доступ к культурным ценностям. При этом, естественно, для представителей не титульных наций должна сохраняться возможность свободного перехода в состав господствующей нации. В России этот переход существенно облегчался тем, что в ней функции титульной нации (русские) выполняла титульная конфессия (православные), так как изменить вероисповедание гораздо проще, чем национальность. Последний фактор во многом объяснял ту относительную стабильность в межнациональных отношениях в России в предыдущий период.

Литература

1. Будилович А. О единстве Русского народа. С-Пб. Типография В.Д.Смирнова, 1907. - С.43.
2. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т.2. Москва, Изд. им. Сабашниковых. 1997. – 686 с.
3. Киевлянин. 1912. 4 января. № 4.
4. Киевлянин. 1912. 8 января. № 8.
5. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. - 525 с., ил.
6. Кремль. 1905. 24 февраля. №№ 21 и 22.
7. Мирный труд. 1903. № 5.
8. Мирный труд. 1904. № 1 (отдел второй)
9. Мирный труд. 1904. № 9.
10. Мирный труд. 1905. № 1.
11. Мирный труд. 1905. № 5.
12. Мирный труд. 1906. № 8
13. Мирный труд. 1907. № 6-7.
14. Мирный труд. 1909. № 1.
15. Мирный труд. 1909. № 12.
16. Мирный труд. 1910. № 4
17. Московские ведомости. 1905 г. 2 (15) октября. № 261
18. Московские ведомости. 1905 г. 4 (17) октября. № 263.
19. Московские ведомости. 1906 г. 11 (24) января. № 8.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОСОТЕННЫХ ПАРТИЙ

20. Правые партии. Документы и материалы. В 2 тт./ Т.1. 1905-1910 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) – 1998 – 720 с.
21. Правые партии. Документы и материалы. В 2 тт./ Т.2. 1911-1917 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) – 1998 – 816 с.
22. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000, - 440 с.
23. Сборник клуба русских националистов. Вып. 4 - 5. К., 1913.
24. Тверское Поволжье. 1907. 5 августа. № 198.
25. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998 - 672 с.
26. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1999. - 616 с.
27. ЦГИАУ Ф.442. Оп. 636. Д.647, ч.2.
28. ЦГИАУ Ф.442. Оп. 861. Д.259.
29. ЦГИАУ Ф.1439. Оп. 1. Д.1377.
30. Шарапов С. Опыт Русской политической программы. М., 1905. – (2), IV, 97 с.